

Олег Овчинников

Столичный оборотень

Олег Овчинников
Столичный оборотень

«Автор»

2004

Овчинников О. В.

Столичный оборотень / О. В. Овчинников — «Автор», 2004

«На небе ни облачка, однако цвета его навскидку не определишь. Диск солнца торчит в зените, будто приклеенный, но смотреть на него можно не щурясь и не моргая, как в детстве. Не потому, что стал невиннее и ниже ростом, а потому, что смог. Smog, вернее сказать. Привычный уже атрибут московского лета. В такую погоду достаточно провести на улице пять минут, чтобы всеми раздраженными слизистыми почувствовать, как автомобильные выхлопы смешиваются в воздухе с копотью тлеющих где-то под Шатурой торфяников. Словом, так себе погода, и даже долгожданное солнышко...»

Олег Овчинников

Столичный оборотень

На небе ни облачка, однако цвета его навскидку не определишь. Диск солнца торчит в зените, будто приклеенный, но смотреть на него можно не шурясь и не моргая, как в детстве. Не потому, что стал невиннее и ниже ростом, а потому, что смог. Smog, вернее сказать. Привычный уже атрибут московского лета. В такую погоду достаточно провести на улице пять минут, чтобы всеми раздраженными слизистыми почувствовать, как автомобильные выхлопы смешиваются в воздухе с копотью тлеющих где-то под Шатурой торфяников. Словом, так себе погодка, и даже долгожданное солнышко...

Черт!

Я зашипел и осторожно потрогал ушибленную ногу. Вроде бы, ничего. Гнется, по крайней мере. Да и джинсы с новым разрезом или кожаной заплаткой станут только моднее. И все равно... Почему это случается именно со мной? Засмотришься на что-нибудь, забудешь смотреть под ноги, запнешься о бордюр... а ударишься коленкой уже о поребрик.

Да, если разобраться, только со мной это случается. Ни с кем, кроме.

Пока стоял на коленях, пока задумчиво шупал мениск и отряхивал штанину, несколько капель задорно шлепнули по темечку. Большинство затерялось в косичках, но одна, самая бесцеремонная, скатилась за воротник, заставив меня передернуть плечами. Хотя вообще-то на улице заметно потеплело. И освежело.

Я медленно выпрямился и – ну ничему не учится человек! – уставился на небо.

Здесь оно было голубым, в редких перистых разводах, напоминающих скупотомленную, зато заботливо размазанную по тарелке порцию картофельного пюре в какой-нибудь студенческой столовой. И солнце по-прежнему висело прямо над головой, хотя светило не в пример ярче. Хватило пристального взгляда, чтобы заслезилась глаза, – не хуже, чем от удара о... поребрик. Да-да, не нужно путаться в мелочах!

А вот туч не было совсем, так что откуда на меня капало, было неясно.

Тучи еще только собирались, набухая будущим дождем.

Я улыбнулся – что еще мне оставалось? – когда бойкая девчушка в веселенькой матроске подскочила ко мне с предложением немедленно отправиться на часовую обзорную экскурсию по рекам и каналам. Сесть в маломестный катерок на канале Грибоедова и через три дня вынырнуть где-нибудь в устье Неглинки, для экскурсии по которой больше подойдет батискаф? Нет уж, прошу покорно!

Я пожал плечами, девчушка в последний раз стрельнула в меня глазами, на сдачу, и отправилась отлавливать новую жертву в плотном потоке прохожих, которым – я давно перестал этому удивляться – не было дела ни до меня, невесть откуда возникшего посреди тротуара, ни до моей разбитой коленки.

Медленно и грустно я дохромал до ближайшего магазинчика, потянул на себя стеклянную дверь и, отстояв небольшую очередь, сказал продавцу в белом халате:

– Мне четыре по... пожалуйста, четыре пышки!

Прежде чем выполнить заказ, продавец смерил меня неприветливым взглядом и пригвоздил к полу вопросом:

– Москвич?

Черт! А ведь мне казалось, я быстро исправился. И все равно – дурак, мог бы сообразить: раз на вывеске над входом написано «ПЫШКИ», то глупо требовать от хозяина заведения пончиков.

Вместо ответа я сокрушенно пожал плечами. Москвич? Можно и так сказать... Не скажешь же, в самом деле, «красностреловец».

Продавец не сложил – побросал в прозрачный пакетик четыре посыпанных сахарной пудрой колечка и не опустил – швырнул его на прилавок.

Но чего стоит косой взгляд и недовольное брюзжание за спиной в сравнении с щекочущим ароматом свежесдобы? Первое колечко я нетерпеливо вытянул из пакетика прямо в магазине, одним решительным укусом превратил его в полумесяц и, старательно жуя, толкнул локтем входную дверь.

Черт еще раз!

Дверь, как ни странно, не поддавалась, зато от локтя к запястью пробежала короткая электрическая волна и пальцы на мгновение онемели. Я негромко зашипел сквозь зубы и помянул недобрый словом составителя гороскопа, посулившего мне утром по радио день повышенного травматизма.

Я потянул ручку на себя – и, на сей раз дверь открылась без сопротивления, а я оказался на Тверской, механически отметив, что вывеска над входом за то время, что я провел внутри, разительно изменилась. Да и вкус у пышки стал другим. Пончиковым.

«Эх, – вздохнул я, глядя на небо неопределенного цвета, как будто закопченное не одним миллионом бездельников. – Вот бы сюда дождичек!»

Тусклое солнце, покрытое хорошо различимыми пятнами, напоминало полную луну.

Завыть, что ли? – пришла в голову неожиданная мысль.

Хотя почему неожиданная? Очень даже ожидаемая.

Ведь я, в некотором роде, оборотень.

В первый раз меня «перекинуло» в пятнадцать лет. Когда мы всем восьмым «А», в сопровождении классной руководительницы и приданного ей для укрепления дисциплины физрука, на весенних каникулах поехали в тогда еще город-герой Ленинград. То есть, одноклассники мои определенно съездили, а вот я... до сих пор не пойму, каким образом там оказался.

Мы загрузились в вагон шумной, но хорошо организованной толпой и в считанные минуты рассредоточились по купе. По младости лет паспортов у нас не имелось, проездной билет был выписан один на всех с указанием мест с первого по тридцать шестое включительно, и проверка его много времени не заняла. Так что поезд еще стоял на перроне, только изредка вздрагивал и шипел, а я, как самый хитрый, уже подпирал плечом купе проводников и мусолил в ладони мятый рубль, намереваясь застелить постель раньше остальных. Вот дверь купе отъехала в сторону, показалась чем-то недовольная проводница, которая не глядя сунула мне в руки две сложенные простыни, наволочку, полотенце – все прохладное и немного влажное – и колючее клетчатое одеяло, подхватила с ладони мой рубль... И вдруг – хлоп!

Поезд вроде как дернулся, а я – остался на месте. Так же стоял в начале очереди, прижимая белье к груди, и кто-то толкал меня в спину, но простыни, наволочка и одеяло вместо аккуратной стопки образовывали большой неопрятный ком.

Да, и еще за окнами вагона почему-то светило солнце, хотя поезд отбывал без пяти минут полночь, а еще у меня по непонятной причине сильно болела голова и в ушах что-то равномерно и негромко бухало, как будто кто-то кидал щебенку в металлическую дверь гаража. Из-за этого гула я только с третьего раза разобрал недовольный вопрос проводницы: «А полотенце? Полотенце где?», развернулся и, словно лунатик, побрел в свое купе – искать полотенце. При этом я постоянно наткался на пацанов и девчонок из класса, которые стояли в очереди за мной и тоже держали в руках мятые постельные принадлежности. Одноклассники что-то говорили мне, пихали в бок, кажется, смеялись, но я едва замечал их.

Позже, когда голова немного прошла, ко мне вдруг подошел Димка Тубольцев и поинтересовался, помню ли я, старый алкот, как ночью проиграл ему рубль двадцать, и я даже не решился спросить, во что. А физрук, отловив меня на перроне и отведя в сторонку, пообещал, что если еще раз учует, что от меня пахнет чем-либо помимо леденцов «Холодок» и здорового

мужского пота, меня ждут большие и трудновыразимые словами неприятности. Ну а рыжая Надька, проходя мимо, больно задела меня коленкой и сказала только «Эх ты...», но таким тоном, что мне захотелось немедленно лечь под поезд, благо идти было недалеко.

А разве я был в чем-то перед ней виноват?

В чем?!

Полпышки и три с половиной пончика кое-как утолили голод физический, но тут, как часто бывает со мной после еды, дал знать о себе голод интеллектуальный. К витрине магазина «Москва» я подошел, лениво ворочая в мозгу сытые мысли о хлебе едином, хлебе насущном и даже хлебе, которого «к обеду в меру бери». В общей сложности хлебов набралось как раз семь.

В магазине я пролистал пару книжек в закутке с фантастикой, и хмыкнув, перешел к стеллажам с детективами. Незаметно обтер липкие после еды руки, поочередно перебрав несколько томиков в мягкой обложке с рассказами о похождениях Слепого и Глухого (Хромого, из соображений корпоративной этики, трогать не стал). Долго листал совершенно не детский по весу и объему пятый том Гарри Поттера – исключительно, чтобы позлить охранника, который мотался за мной из отдела в отдел, настороженный моим растаманским хаером и прикидом. В итоге я купил последнюю книжку Коэльо, которому на столе новинок отвели почетное место.

Я прихватил тоненькую книжицу с вершины высокой неустойчивой пирамиды, быстро сунул под рубашку и не вытаскивал до самой кассы, надеясь, что охранник за моей спиной либо лопнет от подозрительности, либо научится наконец доверять людям, независимо от их внешнего вида. Однако молодой паренек в камуфляже не лопнул и даже не успел стрельбу открыть, только подошел вплотную и потянулся было к моему плечу, но я уже с самым невинным видом протягивал Коэльо кассирше. Она взяла у меня книжку, пару раз провела корешком по пластине «размагничивателя», упаковала в фирменный пакетик и отсчитала сдачу.

Охранник отошел, разочарованный, а кассирша не скрываясь разглядывала мои косички, пока я, чуть прихрамывая, брел к двери. Наученный горьким опытом, я сперва убедился, что за стеклом по-прежнему Тверская, прочел на пластмассовой табличке надпись «ОТ СЕБЯ» и только после этого взялся за дверную ручку и осторожно толкнул.

Дверь, вопреки опасениям, не подвела. Но едва я вышел на улицу... то есть...

Черт! Хромой на оба копыта, со спиленными рожками и купированным хвостиком – черт!

...все-таки на проспект, купленная книжка немедленно шлепнулась на асфальт, пятнистый от редких и крупных дождевых капель. Не потому, что пакетик с рекламкой ТДК «Москва» не выдержал нагрузки и порвался – он просто пропал. Я окинул взглядом гранитный фасад магазина и кисло ухмыльнулся. Все верно, в «Доме книги» фирменные пакетики не выдают.

Я все-таки нагнулся за покупкой, хотя и с высоты моего роста было видно, что книжка уже не та. За время падения она стала заметно толще и зеленей. «Мураками», прочел я столбец псевдояпонской вязи на обложке. Вдобавок, уже читанный.

Не знаю, какое у меня в тот момент было лицо, но внутренне я с трудом сдерживался, чтобы не затопать ногами и не закричать на весь Невский: «Я не хочу Мураками! Верните мне моего Коэльо!» И не делал этого по единственной причине: детство, увы, давно кончилось. Именно поэтому я не бросил книжку в ближайшую урну, как того просило сердце, а убрал в рюкзачок, как велел мне разум.

Впрочем, рассудил я, немного остыв, могло быть и хуже. Татьяна Толстая, например, попросту исчезает вместе с пакетиком при попытке провезти ее контрабандой из города на семи холмах в город сорока островов. Так же точно Илья Стогов будто бы растворяется, когда меня перекидывает из северной столицы в обычную. И никто не объяснит, почему так происхо-

дит. Может, у этих авторов в чужом городе нет соответствующих аналогов? Или они чересчур привязаны к месту обитания?

Кстати, о месте. Нетрудно заметить, что на этот раз меня не просто перекинуло, но еще и отшвырнуло. Перебросило через проезжую часть. И теперь, чтобы вернуться на лужайку с фонтаном, где отлитый Орловым памятник Юрию Долгорукому внезапно разделился на бронзовых Кутузова и Барклай-де-Толли работы Орловского, мне придется долго ковылять по пешеходному переходу. С моей-то коленкой – по чуть ли не самому длинному в городе переходу! Ведь ширина Казанского моста составляет 92 метра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.